
ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ГОРОЖАН НИЖНЕВОЛЖСКОГО РЕГИОНА В 1930-Е ГГ.

А.О. Тюрин

Астраханский государственный университет
Кафедра истории России
ул. Татищева 20, Астрахань, Россия, 414056

В предлагаемой статье на основе архивного материала описывается и анализируется участие горожан Нижнего Поволжья в процессе политического просвещения. В статье показано отношение городского населения к этому процессу, а также влияние идеологизации общества на повседневное поведение.

Ключевые слова: образование, повседневная жизнь, Нижневолжский регион, идеология.

В 1930-е гг. в Советском Союзе наряду с крупными социально-экономическими и политическими изменениями происходило усиление идеологического давления на повседневную жизнь населения. Коммунистическая идеология характеризовалась монопольным правом влияния на общество, а другие политические теории были запрещены, так как признавались враждебными самому существованию советского государства.

По мнению современных исследователей, в зависимости от конкретных условий: тех или иных шагов власти, от колебаний в экономической ситуации, от силы и убедительности пропагандистского воздействия на умы граждан, – на первый план выходили различные ценностно-ориентированные компоненты общественного сознания (1).

В конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. резко упал уровень жизни горожан: снова начались задержки заработной платы, разразился голод, усилился жилищный кризис.

Это осознавалось ОГПУ и партийными органами.

Так, в сводке ОГПУ, направленной Трусовскому РК ВКП(б) Астрахани в 1932 г., говорилось: «Отсутствие должной политической работы на заводе им. К. Маркса привело к тому, что на предприятии полнейшая паника у начальников цехов, так как настроение у рабочих совершенно чуждое, антисоветское. Разъяснительной работы не ведется. Со стороны рабочих только и слышишь по заводу: «передушить и перевесить всех» (2). На рубеже 1920–1930-х гг. было зафиксировано большое количество негативных высказываний и настроений по отношению к государственной власти и членам ВКП(б).

В начале 1930-х гг. в связи с тяжелым материальным положением населения среди астраханцев упорно распространялись слухи об убийстве Сталина, при этом в разговорах делался акцент на убийстве Сталина Крупской. Масленщик теплохода «Волгарь Доброволец» в беседе с командой высказался, что «Крупская убила Сталина, и это покушение производится уже во второй раз, так как первый раз Крупская только ранила Сталина». Масленщик на вопросы команды об этом инциденте сказал, что «ему это известно из газет».

Инструктор школы ФЗУ № 6 при заводе им. К. Маркса во время обеденного перерыва в столовой утверждал следующее: «Мне достоверно известно, что Крупская застрелила на смерть Сталина за искривление Ленинских заветов, и это уже Крупская проделывала во второй раз. Первый раз она его сильно ранила, после чего он сильно болел, и вообще ему так и надо, а то весь народ с голоду поморил» (3).

В 1934 г. в Саратове были зафиксированные многочисленные разговоры среди студентов следующего содержания: «Слишком много разговоров о Кирове, надо было бы убить и Сталина. Почему убили Кирова, а не Сталина?» (4).

Приведенные выше факты свидетельствуют об отрицательном отношении различных социальных и возрастных групп горожан к политике государства, о непонимании или неприятии курса власти. Поэтому требовалось значительно усилить «пропагандистское воздействие на умы граждан», и в первую очередь развить систему политического образования.

На рубеже 1920-х – начале 1930-х гг. в одном человеке вполне могли сочетаться традиционалистские и модернизаторские, либеральные и авторитарные, большевистские и антибольшевистские представления (5). Действительно, большинство рабочих в этот период являлись недавними выходцами из деревни и, соответственно, носителями серьезных элементов традиционного менталитета, которые сочетались с настроениями озабоченности.

Нашей исследовательской задачей является анализ влияния политического просвещения на повседневную жизнь горожан в 1930-е гг., участие и отношение населения к этому процессу. Политическое образование проходило в форме изучения специально подготовленных учебных пособий, статей с речами государственных деятелей, анализа, происходящих политических событий и т.д. Для этого специально организовывались занятия, собрания и митинги, которые должны были посещать горожане.

Авангардом в распространении государственной идеологии должны были стать в первую очередь коммунисты и комсомольцы – опора нового строя. При этом предусматривалось значительно ускорить процесс политического образования. Для выполнения этой задачи существовавшая единая партийная школа с годичным сроком обучения была реорганизована в начальную партийную школу с 3–4-месячным периодом прохождения программы. В нижеволжской партийной организации данной формой обучения в 1930–1931 гг. было охвачено 18 877 чел., или 42,7% от общего количества слушателей.

Другой распространенной формой политического образования являлись предметные кружки: текущей политики, политэкономии, ленинизма, истории партии и другие. Они охватывали 29,5% членов ВКП(б) и 38,9% кандидатов.

Всего в 1930–1931 гг. различными формами политпросвещения было охвачено более 44 200 коммунистов, или 61,2% к составу нижеволжской парторганизации. С 1932 г. в структуре начального звена политпросвещения были созданы ускоренные курсы для кандидатов в члены ВКП(б) – всего 1,5–2 месяца (6).

Для ускоренного политического образования 21 августа 1933 г. ЦК ВКП(б) принимает Постановление «О совпартшколах и курсах марксизма-ленинизма», в соответствии с которым была проведена реорганизация всех советских партийных школ (СПШ). Вместо двухгодичного курса обучения вводился восьмимесячный срок прохождения занятий. В Нижневолжском крае в 1933 г. насчитывалось 14 СПШ, причем две из них, Сталинградская и Саратовская, специально готовили кадры для промышленности, контингент для школы устанавливался в количестве 3100 чел. (7).

Наиболее распространенной формой политического образования партийных кадров оставалась курсовая система. Только в 1930–1931 гг. в Нижневолжском крае на различных курсах повысили свою квалификацию и теоретические знания около 6 тыс. чел.

Характерной особенностью курсовых мероприятий начала 1930-х гг. была их организация и проведение непосредственно на предприятиях. В Саратове в 1933 г. курсы повышения квалификации партийно-хозяйственного актива создавались на заводе комбайнов, ремонтном заводе РУЖД, Крегингстрое и других предприятиях (8).

Несмотря на то что политическое обучение требовало минимальный уровень образованности, степень грамотности коммунистов оставалась низкой. В Саратовском крае в октябре 1936 г. насчитывалось 179 неграмотных и 3827 малограмотных коммунистов.

Уже с 1935 г. в соответствии с Постановлением ЦК ВКП(б) «О подготовке к развертыванию марксистско-ленинской учебы» от 19 сентября 1934 г. пропагандисты должны были проходить собеседования в специальных комиссиях и утверждаться райкомом ВКП(б). Перед этой неформальной работой Саратовский крайком ВКП(б) в феврале 1935 г. провел проверку идейно-теоретического уровня 1300 пропагандистов, из которых 386, или 29,7%, были освобождены от указанных обязанностей (9).

Постоянной критике подвергался теоретический уровень знаний специально подготовленных пропагандистов, в основном комсомольцев. В 1937 г. в Астрахани проверяющий уровень подготовки пропагандистов докладывал в ГК ВКП(б): «Я два месяца добиваюсь, чтобы получить характеристики на пропагандистов, и не имею такой возможности. Мы проверили 93 пропагандиста, и в результате имеем отсеяв 30 чел., т.е. 30%. Как ни странно, мы от-

сеиваем не политически неграмотных людей, а людей в большинстве с высшим образованием. Пропагандист К. дал в заключении троцкистскую трактовку о построении социализма, он отрицает диктатуру пролетариата при первой фазе коммунизма, мелкое крестьянство он считает капиталистическим элементом. Я его немедленно от работы отстранил. Мы плохо готовим кадры. Все наши пропагандисты, за редким исключением прошли курсы пропагандистов, а когда стали у них проверять знания, то оказывается, что они не умеют руководить, к тому же встречаем препятствия со стороны хозяйственника, которые не соглашаются часть товарищей отпустить на курсы» (10).

В конце 1936 г. в Астрахани проводилось обследование рыбокомбината им. Микояна. Проверяющие в своем отчете приводят следующие примеры отрицательной работы пропагандистов на занятиях по политическому образованию. «Приведем например диалога, который я услышал на занятиях пропагандиста П.:

«– Какой уклон сейчас самый опасный? – задает вопрос П.

– Самый опасный правый, – отвечает слушатель.

– Кто возглавляет правый уклон?

– Каменев и Зиновьев, – отвечает слушатель.

– А вы как считаете? – спрашивает П., обращаясь ко второму слушателю.

– Все уклоны опасны, – отвечает второй слушатель.

– Не будем блуждать, – говорит П., – на XVII съезде товарищ Сталин сказал: “Тот уклон опасен, с которым мы боремся”.

– А кто такой центрист? – снова спрашивает П. и сам отвечает: “Есть у нас правые и левые, следовательно, центрист ни с правыми, ни с левыми. Центристы – это люди, которые не борются ни с правыми, ни с левыми, а остаются в парторганизации”.

Приведем другие примеры ошибочных высказываний и ответов пропагандистов. На другом занятии слушатель задает вопрос: “Почему Троцкий уехал за границу?”. Пропагандист отвечает: “В то время Троцкий был членом Реввоенсовета и занимал большое место. Он мог использовать свой авторитет”. Еще на одном занятии слушатель спрашивает: “Я помню, ходили записывать, кто за Ленина, кто за Троцкого?”. Пропагандист отвечает: “Это правильно. Ведь в то время выдвигалась рабочая оппозиция Троцкого, которая выступала на XIV съезде нашей партии”» (11).

В 1937 г. в Саратове проверяющие докладывали итоги своей работы: «На мясокомбинате в Энгельсе пропагандист Ш. брал Троцкого и Зиновьева под защиту, пытаясь доказать, что они оклеветаны партией. Он объявлен троцкистом. В Ртищеве пропагандист Д. говорил о невозможности построения социализма в нашей стране. Он исключен из партии. В одной политшколе Саратова пропагандист сказал, что “мы сейчас в тупике, так как социализм построили, коммунизм построить не можем”. Он снят с работы» (12).

В составе пропагандистов наблюдалась текучесть кадров. В Саратовской областной партийной организации численность пропагандистов в 1937/1938 учебном году составила 2300 чел. Из них высшее образование имели 419 чел., или 18,2%, окончили СПШ – 227 чел., или 9,9%, а курсы и школы политграмоты – 1654 чел., или 71,9%. При этом стаж пропагандистской работы более 3 лет имели всего 708 чел., или 31% (13).

В общем, можно констатировать низкий уровень теоретической подготовки коммунистов и комсомольцев, которые в большинстве своем являлись пропагандистами. Но мог ли уровень знаний пропагандистов соответствовать предъявляемым требованиям? Скорее всего, нет.

Многие пропагандисты, в основном молодые люди, в начале 1930-х гг. только научились грамотно читать и писать, поэтому воспринимать теоретические схемы советской идеологии им было трудно. К тому же политическая борьба внутри партии, «разоблачения врагов», постоянная корректировка курса внутренней политики дезориентировали пропагандистов в процессе преподавания, а некоторые активисты искренне отстаивали свою позицию, часто идущую вразрез официальной. Состав пропагандистов часто менялся, что также сказывалось на качестве их работы.

Большие претензии со стороны власти высказывались по поводу дисциплинированности коммунистов и комсомольцев. В 1935 г. в Астрахани после проверки работы городской комсомольской организации были сделаны следующие выводы: «Так на сегодняшний день комсомольская организация на заводе им. Крупской не организована. Проойдитесь по заводским и фабричным клубам города, по красным уголкам предприятий и учреждений. В этих клубах кроме хулиганства и бескультурья ничего нет. Вчера молодежь на заводе им. Сталина разговаривала с секретарем комсомольской организации. Приходит союзный день по проработке передовиц из «Правды» и «Комсомольской правды». Эти документы были даны Политбюро ЦК партии комсомолу. Так на заводе с этими документами, несмотря на то, что они были уже опубликованы 5 марта ни секретарь, ни пропагандисты не были знакомы» (14).

В 1939 г. в газету «Молодой ленинец» была направлена статья из Астрахани «По поводу расхлябанности», в которой описывалась ситуация в городской комсомольской организации. В статье говорилось следующее: «Собрание было назначено на 6. Но к шести часам пришла всего четвертая часть комсомольской организации.

– Подождем. Может, подойдут, – предложил кто-то безнадежным тоном. Ждали час, потом другой. Явились еще двое.

– Ну, как?.. Начнем? – робко спрашивает секретарь. Ему возразили. При такой явке собрание проводить нельзя. Разошлись. Выводов из этого случая не последовало. Так сорвалось комсомольское собрание в окружном отделении связи и в горсовете. К сожалению, в Астрахани эти факты нередки.

Во многих первичных организациях города часто срываются собрания. Примеры недисциплинированности нередко подают сами активисты. В Микояновском и Кировском районах города были сорваны собрания активис-

тов. 25 мая не состоялось городское совещание секретарей комсомольских организаций, где нет партийных организаций. Вместо 73 секретарей собралось двадцать! 29 мая на совещании секретарей первичных организаций Кировского района в назначенное время пришли всего 30 чел. из 96» (15).

В большинстве отчетов делался вывод о том, что комсомольцы должны повышать свою политическую дисциплину и служить примером остальным горожанам.

Политическое просвещение должно было охватывать как можно большую часть городского населения, поэтому многие горожане посещали занятия и собрания. Особое внимание уделялось молодежи.

В 1938 г. прошло обследование школ ФЗУ, которые были прикреплены к предприятиям Астрахани, на предмет уровня развития политического просвещения. На заседании окружного комитета ВЛКСМ комсомольцы докладывали о проделанной ревизии. Один комсомолец, проверявший ФЗУ № 3, говорил: «Слушатели к занятиям в политшколе не готовятся, ведут себя недисциплинированно, во время занятий наблюдается хождение по классу, занимаются стоя, в верхней одежде, да и сами пропагандисты на занятиях сидят в пальто. В общежитии отсутствует “красный уголок”. Секретарь комсомольской организации на занятиях не присутствует».

О политработе в школе ФЗУ № 4 проверяющий докладывал: «Организован один кружок по изучению учебника “Наша Родина”, который посещают 25 чел. Слушатели на занятия приходят с готовыми конспектами, а пропагандисты их проверяют. Стенгазета выходит два раза в месяц». Другой проверяющий о политработе в школе ФЗУ № 13 при заводе им. Сталина говорил следующее: «Политучебой учащиеся занимаются два часа в каждую шестидневку, изучают учебник “Наша Родина”. Плюс к этому посещают драматический и физкультурный кружки. Однако плохие бытовые условия, общежитие находится в антисанитарном состоянии, холодно, темно, грязно». Политическим занятиям, проводившимся в ФЗУ № 5 при заводе им. Ленина, была дана следующая характеристика: «Политическая работа проходит недостаточно. Слушатели приходят не подготовленные к занятиям, без конспектов, занятия часто срываются. В ФЗУ процветает нецензурная брань» (16). В представленных отчетах проводимая политическая работа соответствовала требованиям приблизительно в 50% школах ФЗУ.

Ситуация на городских предприятиях была аналогичной в школах ФЗУ. В 1937 г. после обследования рыбокомбината им. Микояна комиссия отмечала, что «из 13 чел., числившихся в кружках, реально посещало занятия всего 3 чел. Семинаров по истории ВКП(б) за 4 месяца 1937 г. из-за планированных 12 занятий состоялось 8, а из записавшихся 26 чел. посещало 6–7» (17).

В ноябре 1938 г. на заводе «Красные Баррикады» слушалось дело «О развале политической школы». Товарищей П. и Л., возглавлявших работу политшколы, исключили из партии и определили как «замаскировавшихся врагов» (18).

В 1940 г. на закрытом партийном собрании судовой им. Кирова докладчик отмечал: «Неоднократно уже ставился вопрос о коммунистическом воспитании, о росте коммунистов. Я хочу сказать, что, несмотря на то, мы имеем высококвалифицированных лекторов, посещаемость занятий очень низкая» (19).

В общем, в ходе процесса политического образования фиксировались такие же недостатки, как и у коммунистов с комсомольцами – низкий уровень знаний, срывы или малочисленность учащихся на занятиях.

В начале 1930-х гг. были предприняты попытки упростить процесс политического образования. В 1932 г. Сталин высказался, что необходимо положить конец «произволу и неразберихе в изложении истории партии, обилию различных точек зрения и произвольных толкований важнейших вопросов партийной теории и истории партии» (20). Концентрированное обоснование взглядов Сталина получило выражение в учебнике «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс», который опубликовали в 1938 г.

Постановление ЦК ВКП(б) «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)» от 14 ноября 1938 г. сделало этот учебник фактически единственным пособием для преподавания историко-партийной науки во всех учебных заведениях страны и в системе политического просвещения, а ранее существовавшие учебные пособия изымались.

В основном многие трудящиеся изучали «Краткий курс...» самостоятельно, а после отчитывались по пройденным темам. Приведем некоторые результаты изучения «Краткого курса...».

В конце 1939 г. в газете «Молодой Ленин» о ходе политического просвещения в Трусовском районе Астрахани говорилось следующее: «...в начале 1939 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) “О постановке партийной пропаганды” в связи с выходом “Краткого курса истории ВКП(б)”. Однако Трусовский райком комсомола оказался не разворотлив. Так, из 2775 комсомольцев в районе на самостоятельное изучение “Краткого курса...” перешло 1700 чел. 565 учащихся средних школ вообще не определились, как будут изучать «Краткий курс...». Райком считает, что пропагандистов подобрали полностью, а первичные организации говорят, что их не хватает. На заводе им. Дзержинского вообще нет пропагандистов, и 65 комсомольцев завода вообще не обучаются политграмоте. На рыбозаводе им. Молодежи и на фабрике Главхлодопрома так же нет пропагандистов. Стоит отметить, что комсомольцы, которые изъявили желание изучать “Краткий курс...” самостоятельно, на деле этим не занимаются. Рабочие и комсомольцы крупных заводов им. Ленина, им. III Интернационала, им. X лет Октября отдыхают не посещают кинолекторий» (21).

В конце 1940 г. в Астрахани на судовой им. Кирова из 260 комсомольцев изучали самостоятельно «Краткий курс...» всего 95 чел., из которых, в свою очередь, в течение 2 лет обучение закончило только 8 чел. (22).

Приблизительно аналогичная ситуация с политическим образованием обстоит в Саратове. В отчете Волжского РК ВКП(б) Саратова за 1939 г. говорилось: «В ходе проверки выяснилось, что многие первичные организации записывают рабочих механически, не разбирают, хотя многие могли повысить свой политический уровень самостоятельно».

Из доклада в ГК ВКП(б) Саратова следовало следующее: «После появления “Краткого курса истории ВКП(б)”, везде начались массовые и в большинстве случаев неправильные изучения. В кружки привлекаются массы трудящихся, и занятия сводятся к простому чтению... На СарГрЭС занятия в кружках часто срываются. В некоторых кружках числится 13–15 чел., а реально посещают занятия только 3–4 слушателя. На хлебозаводе № 2 состояние самостоятельного изучения “Краткого курса...” неудовлетворительно. Из 200 чел. самостоятельно изучают курс всего 10. Имеется один кружок, который посещают всего 11 чел.» (23).

В целом ситуация в системе политического образования с введением «Краткого курса...» по большому счету не изменилась. Большинство горожан занималась решением своих повседневных проблем, а посещение политических занятий, собраний и митингов для них имело второстепенное значение, к тому же сами отчеты о ходе политических занятий часто не соответствовали действительности.

В срыве занятий и собраний опять обвиняли администрацию завода и партийно-комсомольское руководство. Общим примером низкой политической дисциплины партийных, комсомольских и профсоюзных организаций может служить собрание на заводе им. К. Маркса, посвященное несостоявшемуся митингу на предприятии 6 апреля 1939 г.

Приведем примеры высказываний на общем собрании. Первый выступающий видел причину срыва митинга в следующем: «Профорги работают в цехах плохо, но как работают коммунисты? Они так же не помогают в работе профоргам, комсомол не проявляют себя в цехах, как авангард среди беспартийной молодежи. На митинг из 130 комсомольцев завода явилось 20 чел. У нас на заводе есть люди, которые вообще не на какие собрания не ходят».

Другой выступающий говорил о следующих недостатках: «Чем объяснить такое позорное явление, как срыв митингов и собраний? Причинная ясна. Политико-воспитательная работа поставлена слабо». Следующий выступающий соглашался с ним: «Сорвали митинг, значит, коммунисты не проявляют свою авангардную роль в цехах. Комсомол на заводе плохо работает, это говорит за то, что партийный комитет плохо руководит комсомолом».

Пропагандист одного из цехов пытался оправдаться: «В цехах обращение московских рабочих прорабатывали. Объявляли о митинге два раза, но на митинг все же не явились, я не знаю, как еще надо людям рассказывать!» (24).

В действительности пропагандисты сталкивались с серьезными трудностями при организации занятий, собраний и митингов, так как многие трудящиеся пытались не принимать в них участия. Из приведенного ниже письма студентки-активистки видно, что большинство молодых людей в основном озабочены повседневными проблемами: «Я проживаю в общежитии педрабфака. В нашей комнате проживает десять человек. Они называют меня “странный человек”, только потому, что я всегда заботилась о том, чтобы все приходило на собрания, на занятия и митинги. Они все говорили мне: «Больше всех тебе надо, ты только и знаешь на демонстрацию, что у нас ноги казенные? Если у тебя казенные, ты и ходи. Однажды я сказала товарищу К.: “Ты что же на собрание не идешь?”. А она ответила: “Пошла ты со своим собранием, у меня каша не готова!”».

Мне профком поручил обеспечить явку на митинг, посвященный испанским детям. Я объявила, что кто не придет на митинг по неуважительным причинам, я передам в дирекцию. Так я и сделала. Тогда на курсе стали говорить, что “больше всех тебе надо активистка и подлиза, хочешь выслужиться перед директором. Я поступила правильно, но в такой среде всегда за правду потеряешь дружбу. И особенно наши студенты не терпят критики”» (25).

В конце 1930-х гг. значительная часть горожан принимала участие в различных формах политического просвещения, а периодические занятия, собрания и митинги прочно вошли в повседневную жизнь трудящихся. Результатом политического образования должно было стать изменение политического сознания, а вместе с этим и поведения большинства горожан, которое выражалось бы в поддержке государственных инициатив и самой власти.

Д.В. Ольшанский, разделив политическое сознание на обыденную и теоретико-идеологизированную формы, следующим образом их охарактеризовал: «Обыденное политическое сознание отличается целым рядом специфических свойств: содержательной диффузностью, размытостью, «смутностью», спутанностью и противоречивостью, повышенной эмоциональностью... стихийностью становления и развития под влиянием бытовых представлений и суждений о политике в рамках так называемого «житейского здравого смысла». Одновременно оно характеризуется устойчивостью и особого рода инерционностью влияния на политическое поведение.

В отличие от обыденного, теоретико-идеологизированное политическое сознание исходит из строгих и стройных представлений, представляющих собой целостную и рациональную систему взглядов и суждений, определенное мировоззрение, объясняющее окружающую человека политическую действительность на основе той или иной идеологической концепции» (26).

Горожане в первую очередь были озабочены своими ежедневными проблемами в быту и производственными на предприятиях. В определенной мере система политического просвещения была для них помехой в повседневной

жизни. Большинство городского населения посещала занятия и собрания в принудительной форме. Теоретические знания были трудны для восприятия горожанами, поэтому теоретико-идеологический уровень сознания был очень размытым и противоречивым.

Партийный контролер, в очередной раз выступая с критикой в адрес пропагандистов, приводил следующие примеры ответов трудящихся: «На вопрос: «Какая разница между XV, XVI, XVII съездами?». Последовал ответ: «Как тут сказать о разнице, ведь докладов было много». Или еще задаю другому слушателю вопрос: «От чего зависят колебания в партии?». Он (член ВКП(б) с 1925 г.) отвечает: «Если член партии хочет уйти на другой завод, где его материально больше устраивает, а его не пускают» (27).

Приведенные выше примеры, а также и другие материалы свидетельствуют, что 1930-е гг. у многих горожан в голове была «теоретическая каша» из полученных знаний (о построении социализма в одной стране, о нэпе, о ходе различных съездов партии и т.д.) (28).

Единственным изменением в сознании и поведении горожан, которому способствовал преподаваемый теоретический курс, было определение образа внешних и особенно внутренних врагов. На занятиях очень часто разбирался ход политических процессов 1930-х гг., где пропагандисты старались акцентировать внимание на «течениях и личностях внутренних врагов», а также разбирали внешнеполитическую ситуацию.

Итогом этого стали многочисленные собрания и митинги, на которых как партийными и административными работниками, так и простыми трудящимися периодически происходили разоблачения и выявления «врагов» в своих коллективах. На них в основном часто списывали все недостатки в работе, а так же повседневные проблемы (29).

Стоит предположить, что более действенными были другие формы идеологического просвещения, такие как тиражирование подвигов и новых героев посредством кинематографа, прессы и радио.

Безусловно, эти формы использовались на политических занятиях и собраниях. Пробуждая неподдельный интерес к происходящим событиям, они воздействовали на обыденную форму сознания, были понятны и доступны, являлись примерами поведения.

В 1940 г. в Астрахани на общем собрании судоверфи им. Кирова председатель собрания видел положительный эффект коммунистического воспитания в следующем: «Правильно говорят: “Бытие определяет сознание”, а у нас на верфи этого еще не осознали. Но есть хорошие факты, как, например, прошлой зимой один подсобный рабочий нес подшипники, и провалился под лед. Он не стал думать о себе, а стал спасать подшипники».

Другой выступающий привел пример не коммунистического высказывания своего коллеги, а в сравнении показал положительный образ, с его точки зрения, собственного поведения: «Я бы сказал, что в нашем цеху есть товарищ, который не совсем хорошо относится к нашей стране. В обеден-

ный перерыв он взял газету и, обращаясь к рабочим, сказал: “Что вам прочесть о нашей электрификации? Только о нехватке электроэнергии!”.

Я хочу сказать, хотя мне неудобно про себя говорить, что у меня была повышенная температура, а именно 38,7, но я в больницу не пошел, так как знал, что у меня на станке стоит вал, и я обязан закончить работу в срок» (30).

Все же количество примеров «правильного» поведения было немного. Большинство горожан было озабочено своими повседневными проблемами материального характера, за что они часто подвергались критике. Однако у некоторой части горожан, в основном молодых людей, несколько изменилось восприятие действительности. Оно стало соответствовать пропагандируемым установкам.

В конце 1930-х гг. эталоном политического поведения с точки зрения сталинской идеологии можно считать рассуждения молодого лейтенанта военно-воздушных сил, которые он описал в своем письме в Астрахань в конце 1940 г.: «Я стараюсь говорить людям правду в глаза, нисколько не смущаясь того, как будет смотреть на меня, уличенный мною человек. Вообще, жить – это бороться, а бороться – это, значит, жить интересно, жить в ожидании будущего, не просто будущего, а здорового, светлого и красивого». Для него в декабре 1940 г. произошли два важных события в его жизни: «У меня лично есть две новости: одна большая, а другая маленькая. Первая – это то, что я принят в члены ВКП(б), а второе мне присвоили звание старшего лейтенанта» (31).

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Лившин А.Я.* Настроения и политические эмоции в Советской России. 1917–1932 гг. – М., 2010. – С. 306.
- (2) Государственный архив современной документации Астраханской области (ГАСД АО). – Ф. 20. – Оп. 1. – Д. 25. – Л. 193.
- (3) ГАСД АО. – Ф. 20. – Оп. 1. – Д. 25. – Л. 28–29.
- (4) Государственный архив Астраханской области (ГАСО). – Ф. 461. – Оп. 4. – Д. 50. – Л. 10.
- (5) *Лившин А.Я.* Настроения и политические эмоции в Советской России... – С. 306.
- (6) *Ткачев В.И.* Формирование механизма партийной власти в Советской политической системе в 1917–1930-е годы. – Саратов, 2000. – С. 260.
- (7) *Ткачев В.И.* Формирование механизма партийной власти... – С. 263.
- (8) Там же. – С. 265.
- (9) Там же. – С. 270.
- (10) ГАСД АО. – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 294. – Л. 44.
- (11) Там же. – Д. 222. – Л. 13–15.
- (12) ГАНИСО. – Ф. 594. – Оп. 1. – Д. 955. – Л. 1–2.
- (13) *Ткачев В.И.* Формирование механизма партийной власти... – С. 271.
- (14) ГАСД АО. – Ф. 47. – Оп. 1. – Д. 35. – Л. 5–8.
- (15) Там же. – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 387. – Л. 55.
- (16) Там же. – Ф. 48. – Оп. 1. – Д. 21. – Л. 24, 26–28.

- (17) Там же. – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 222. – Л. 15.
(18) Там же. – Ф. 824. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 25.
(19) Там же. – Ф. 3379. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 111.
(20) *Ткачев В.И.* Формирование механизма партийной власти... – С. 274.
(21) ГАСД АО. – Ф. 48. – Оп. 1. – Д. 61. – Л. 21–22.
(22) Там же. – Ф. 3379. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 101.
(23) ГАНИСО. – Ф. 138. – Оп. 1. – Д. 823. – Л. 5, 7, 30.
(24) ГАСД АО. – Ф. 2949. – Оп. 1. – Д. 9. – Л. 10.
(25) Там же. – Ф. 47. – Оп. 1. – Д. 44. – Л. 8.
(26) *Ольшанский Д.В.* Основы политической психологии. – М., 2001 // Библиотека РГИУ // <http://www.i-u.ru/forum>
(27) *Голос рабочего.* – 1934. – 31 марта. – № 13.
(28) ГАСД АО. – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 294. – Л. 6–11.
(29) Там же. – Ф. 47. – Оп. 1. – Д. 42.
(30) Там же. – Ф. 3379. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 104–105.
(31) Там же. – Ф. 1403. – Оп. 1. – Д. 38. – Л. 2; Д. 39. – Л. 3

POLITICAL EDUCATION IN EVERYDAY LIFE OF LOWER VOLGA REGION CITIZENS IN 1930S

A.O. Tyurin

Department of History of Russia
Astrakhan State University
Tatischev Str., 20 Astrakhan, Russia, 414056

The author describes and analyzes on the archive data base the participation of the Lower Volga region citizens in the political education process. The article shows the attitude of the urban population towards this process and demonstrates the influence of the society ideologization on everyday behavior.

Key words: education, everyday life, Lower Volga region, ideology.